

Приговоренный судьбой

Михаилу Пташуку — 60

М. Пташук

дал в общей сложности около десяти лет, то думал, что всю жизнь буду снимать фильмы о современной деревне. Но моя творческая биография складывается пока так, что чем более желанной кажется цель, тем труднее ее достичь... Я уверен, что пришло время сделать такую картину — заглянуть в душу человека, который однажды променял луг на асфальт, и понять, что с этой душой происходит.

Мне близка эта тема потому, что я сам двадцать лет назад оставил родную деревню Федюки на Брестчине. Там все родное: поле, луг, река, яблони... Те самые яблони, которые мать давным-давно посадила, а теперь хочет срубить. Откуда такое жестокое желание? Дело в том, что я последний в нашем роду, мать большую часть года живет в Минске, и двор наш, стало быть, когда-нибудь совсем опустеет. Мама понимает это, и рубя яблони, она словно прощается с надеждами, что здесь, на земле дедов и прадедов, продолжится наш род. И меня жлохнет чувство невольной вины, которую неизвестно как искупить... Вот об этом мне и хочется снять свой заветный фильм.

Не сбылось, как не сбылись многие другие интересные замыслы Михаила Пташука — например, он меч-

тал поставить фильм о своем послевоенном детстве, белорусский "Амаркорд". Но и то, что сбылось, представляет собой огромный творческий материк. Не буду здесь подробно анализировать кинематографическое наследие Пташука — это тема отдельной книги. Скажу только, что его фильмы "Возьму твою боль", "Наш бронепоезд", "Кооператив", "Политбюро", "Будет долгим прощание", "В августе 44-го", уже упоминавшийся "Знак беды" — это, безусловно, ярчайшая глава в истории "Беларусь-фильма". Из Москвы, где я живу с 1988 года, это особенно хорошо видно. Кинематограф Пташука — это кинематограф крупных идей и страстей, кинематограф большого творческого дыхания. Трагедия коллективизации с ее революционным пафосом и кровавым раскулачиванием, трагедия войны с ее подвигами и потерями, трагедия сталинщины с ее палачами и жертвами... Едва ли не все главные темы XX века нашли яркое, острое, зачастую дискуссионное воплощение в творчестве Пташука. Своим крестьянским нутром, обостренной интуицией Пташук как-то органично, естественно различал правду и фальшь, подлинное и мнимое, по-настоящему злободневное и поверхностно актуальное и почти всегда безошибочно выбирал первое.

Последний раз мы подолгу общались с Мишей на фестивале "Киношок" в Анапе. Он приехал туда с режиссерским сценарием фильма "В августе 44-го". Миша рассказывал о своих встречах с автором романа, о той атмосфере единомыслия, в которой протекала его работа с писателем. Недоумевал, почему не сработался с Богомоловым — "таким милым стариком" — Витаутас Жалакявичюс. Несколько раз интересовался у меня, нужен ли сегодня такой фильм, не устарел ли материал. Миша не хотел снимать обычный приключенческий боевик и все толковал мне про образ Системы, который встает для него со страниц книги. Системы, подминающей, ломающей судьбы героев — в

том числе и самых достойных из них...

По вечерам мы пили молодое анапское вино, причем Миша со своей внушительной массой мог за несколько плотков опустошить литровую емкость ("Проскакивает ну просто, как сок", — смеялся он), и говорили, говорили, говорили... Не только о кино, но и о наших общих друзьях, о родных. Миша рассказывал о своей жене Лиле, о дочери Анжелле — он любил их трогательно и нежно. Вопреки бытующим представлениям о богемности профессии режиссера, он был благородно старомоден, по хорошему патриархален в том, что касалось семейных отношений. Вдобавок Лилию он, по-моему, всегда чуток побаивался. Человек веселый, достаточно, как мне кажется, легкомысленный во всем, что не касалось творчества, он легко и даже охотно подчинялся в обыденной жизни ее организующей воле. В той же Анапе Миша купил несколько пятилитровых канистр разливного красного вина, утащив их с собой огромный — под стать собственным габаритам — чемодан. Вез это богатство в подарок Лиле, но канистры в чемодане потекли, залив рубашки, галстуки, костюм. Миша этого своевременно не заметил.

— Иду я в Минске по улице, — весело рассказывал он мне позже, — а за мной, как в той песне, след кровавый стелется. Представляешь, какой я от Лилы получил нагоний!

Я увидел их с Лилей и Анжеллой несколько лет спустя на фестивале "Кинотавр" в Сочи, где фильм Пташука "В августе 44-го" участвовал в конкурсе. Я куда-то торопился, поэтому перекинулся с ними только несколькими обычными фразами. Моги я подумал тогда, что вижу дружное семейство Пташука в полном составе в последний раз, что Миша скоро трагически, феллопогибнет.

Эх, если бы зная...

Леонид ПАВЛЮЧИК
Фото Дины РАДБЕЛЬ

Мы познакомились с Мишей — страшно подумать — более четверти века назад. После окончания Ленинградского университета я распределился в Минск, в задорную и очень живую по тем застойным временам газету "Знамя юности". Безумно влюбленный в кино, я в первый же свой рабочий день позвонил на студию "Беларусьфильм" и поинтересовался, о съемках какого фильма можно сделать для газеты интересный репортаж. "Езжайте в Смоленичи, там как раз режиссер Михаил Пташук снимает телесериал "Время выбрало нас", — ответили мне.

Назавтра я был уже на знаменитой натурной площадке "Беларусь-фильма". Пташук встретил меня — огромный, шумный, со взлохмаченной рыжей гривой — без всяких излишних церемоний. Сунул перепачканную сажей лапшу для приветствия, сразу предложил общение на "ты", хотя к тому времени был уже набирающим известность режиссером, успевшим поработать в театрах Москвы и Казани, поставившим прелестный фильм "Про Витю, про Машу и морскую пехоту", а я, повторяю, только что закончил журфак.

Он отдавал себе трезвый отчет в несовершенствах сценария фильма "Время выбрало нас", который тут же предложил почитать мне и высказать свои соображения. Он так поступал всегда — каждую новую работу обязательно проверял на своих друзьях, коллегах: охотно давал читать сценарии, показывал отснятый материал — и все просил быть построже в оценках. Работа над этим нервным, но постепенно набирающим силу фильмом стала для Пташука важной вехой. Я помню, как поразил его вал писем, который пришел на студию после демонстрации ленты по ЦТ. Особенно потрясло его письмо из Мордовии от женщины по фамилии Пташук, которая в первые дни войны потеряла под Брестом сына и, увидев знакомый до боли материал и соотнес его с фамилией режиссера в титрах, загорелась материнской на-

деждой. А сам режиссер отныне все-раз загорелся военной темой, к которой, как мне кажется, был "приговорен" всей своей судьбой. Миша родился в 1944 году, в землянке на окраине деревни, в которой мать пряталась от гитлеровцев.

— Когда погружаешься в материал, связанный с войной, — рассказывал мне Миша, — то каждый раз не покидает ощущение, что ты все это видел сам. Тем более что эхо войны настигло нас, подранков, то жестоким голодом, то взрывом снаряда под ногой неосторожного пацана (несколько моих друзей-одногродков стали инвалидами), то запоздалой вестью о гибели отца. Моя мать в 27 лет осталась одна, пережив смерть мужа и двоих детей. Страшно подумать, какво ей было начинать жизнь на пепелище прошлого...

Неудивительно, что тема материнской самоотверженности стала одной из главных в его творчестве. Они так и идут в его фильмах рядом — Война и Мать. Как две вечные и непримиримые антитезы. И мать всегда оказывалась сильнее войны — даже если она и погибала, как это происходило в выдающемся, на мой взгляд, фильме "Знак беды".

С образом матери был связан еще один замысел Михаила Пташука, увы, нереализованный. Помню, мы делали с ним интервью. Поговорили, как мне казалось, обстоятельно и подробно. Утром — звонок: "Я сейчас приеду". Вошел, как обычно, взлохмаченный, с красными (как выяснилось, от бессонной ночи) глазами, положил на стол крупным, размашистым почерком исписанные странички: "Я написал это ночью. Отредактируй, поправь, убавь, что считаешь нужным, но это обязательно должно войти в интервью. Тут то, что меня сегодня по-настоящему волнует". Было бы грешно не процитировать здесь хоть кусочек из того рукописного текста, который я храню в своем архиве:

"Когда я покидал театр, которому вместе с учебой на режиссерском факультете Щукинского училища от-

Крылатца. — 2003. — 30 янв. — 5 февр. — с. 8

Время выбрало нас
Михаил Пташук
1944-2003 — 60 лет

801